

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Приложение къ протоколу IX засѣданія, экстраординарнаго, Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи Россійской Академіи Наукъ 6 іюня (24 мая) 1918 года.

О Кавказскомъ Университетѣ въ Тифлисі.

Въ связи съ обсуждавшимся въ Комиссіи по реформѣ высшей школы вопросомъ о Грузинскомъ Университетѣ въ Тифлисі).

Post ea, non propter ea.

I.

Учрежденіе Грузинскаго Университета можетъ получить осуществленіе въ революціонное время, проектъ его устава можетъ быть полонъ чертъ, внесенныхъ революціоннымъ настроеніемъ, но самая мысль объ учрежденіи національнаго Университета у грузинъ возникла до русской революціи и независимо отъ ея вліяній. Она связана съ новымъ національнымъ, получившимъ, къ сожалѣнію, болѣзненный острый націоналистическій характеръ, уклономъ грузинской общественной мысли, начавшимся послѣ неуспѣха въ Грузіи общественнаго движенія 1905—1906 г. Движеніе было создано социал-демократической пропагандой и носило общерусскій, арко-ненаціональный, даже, казалось, противонаціональный характеръ.

Тогда въ самой гущѣ сельскаго грузинскаго населенія ораторы, чистокровные грузины, на многочисленныхъ митингахъ, сплошь изъ такихъ же грузинъ, свои рѣчи на грузинскомъ языкѣ заключали при громѣ аплодисментовъ выкриками: «Долой Грузію! Да здравствуетъ русская социал-демократическая рабочая партія». Рѣдкимъ смѣльчакамъ, рѣшавшимся выступить противъ такого отрицанія національной идеи, всецѣло господствовавшіе тогда социал-демократы, меньшевики, не давали высказаться, а въ случаѣ упорства безъ церемоніи стаскивали ихъ съ импровизованныхъ подъ открытымъ небомъ, въ сѣдахъ на полянахъ и въ мѣстечкахъ на площадяхъ, трибунъ.

Свидѣтелемъ такихъ явленій лично я былъ въ 1905 году¹.

Различные оттѣнки національной идеи, отъ либеральныхъ до крайнихъ шовинистическихъ, и тогда имѣли своихъ сторонниковъ въ различныхъ слояхъ грузинскаго общества, или въ сословныхъ крупныхъ дворянскихъ и особенно княжескихъ, или въ мелкопомѣстныхъ дворянскихъ и буржуазныхъ элементахъ и примыкающихъ къ тѣмъ или инымъ группамъ представителей болѣе высокой грузинской интеллигенціи, но ихъ не столько объединяла національная идея, сколько разъединяло различное ея классовое или вѣрнѣе пережиточно-сословное пониманіе.

¹ См. брошюрку мою *Изъ гурійскихъ наблюденій и впечатлѣній*. (По поводу бакинскихъ событій). СПб. 1906.

Грузинская національная мысль подверглась тогда тяжкому испытанию. Болѣе яркіе ея носители въ социалдемократическомъ движеніи усмотрѣли новую силу, угрожавшую національному бытію грузинскаго народа и шедшую все изъ того же русскаго источника, откуда шли русскіе чиновники, душившіе всякія, самыя законныя проявленія національной жизни; въ дѣятеляхъ социалдемократическаго движенія въ Грузіи готовы были видѣть предателей, посылаемыхъ опять-таки русскимъ источникомъ, — и все русское становилось по одному тому, что оно русское, подозрительнымъ, ненадежнымъ и вызывающимъ враждебное чувство.

Грузинская національная мысль, почувствовавъ себя разочарованной въ русскіхъ, ушла въ себя. Связи оказались у нея порваны и съ сосѣдями, какъ никогда, и она на Кавказѣ совершенно изолировалась идейно. Такимъ образомъ на здоровомъ національномъ движеніи стала осѣдать болѣзненная накипь.

Въ широкихъ кругахъ усилился культъ націонализма, страсть къ преувеличенному демонстративному проявленію національнаго домогательства. Лишь въ болѣе просвѣщенныхъ кругахъ, точнѣе кружкахъ съ серьезными духовными запросами началась работа по національной культурѣ, а съ ней возросъ дѣйствительный интересъ къ научному изученію родного прошлаго.

Наступившее при Воронцовѣ-Дашковѣ правительственное направленіе содѣйствовало усилению болѣзненнаго, извращеннаго пониманія націонализма, вмѣстѣ съ тѣмъ — углубленію обостренныхъ давно, еще со времени Голицына, грузино-армянскихъ отношеній, равно обостренію грузино-русскихъ отношеній и нѣкоторому сближенію грузинъ и турокъ, по существу объединившихся лишь въ одномъ, въ чисто классовомъ, выдававшемся за общенациональное, враждебно-отрицательномъ или равнодушно-пренебрежительномъ отношеніи къ армянамъ.

Дала себя почувствовать дворцова политика, руководимая личными симпатіями отдѣльныхъ лицъ, окружавшихъ намѣстника: несостоятельная съ точки зрѣнія истиннаго государственнаго строительства и гибельная для Кавказа, она имѣла демонстративную видимость благопріятнаго армянамъ и неблагопріятнаго грузинамъ курса. Правда, не было того, что при Голицынѣ творилось въ отношеніи армянъ. Тогда русскіе люди вели въ официальной газетѣ «Кавказъ» съ одобренія высшей въ край власти травлю цѣлаго народа армянскаго, не было гнусности, которой не печатали бы особенно противъ его буржуазнаго класса и интеллигенціи. Редакторъ «Кавказа», русскій поэтъ Величко, помѣщавшій свои поэтическія произведенія въ либеральномъ Вѣстникѣ Европы, на Кавказѣ, пользуясь расположеніемъ націоналистически настроенной части грузинскаго народа, имѣвшего свои социально-экономическія основанія для борьбы съ многовѣковымъ сосѣдомъ — народомъ, проводилъ грузинъ противъ армянъ. Достаточно сказать, что такіе выдающіеся грузинскіе поэты, какъ Акакіи Церетели, Илья Чавчавадзе, они же общественные дѣятели националистическихъ круговъ, поддержали всей силой своего литературнаго таланта ту же кампанію травли противъ цѣлаго народа. На Кавказѣ создалась общественная атмосфера, въ которой высшая власть спокойно сдѣлала въ реальныхъ условіяхъ вре-

мени и мѣста роковой шагъ — лишила армянъ церковнаго имущества. По въ отношеніи грузинъ при Воронцовѣ-Дашковѣ было, пожалуй, хуже.

Использовавъ не разъ поддержку грузинскихъ социалдемократовъ въ критическіе моменты безсилія въ краѣ русской гражданской власти для поддержанія порядка, не прибѣгая къ оружію, Воронцовъ-Дашковъ допустилъ разгромъ социалдемократически настроенныхъ областей Грузіи карательными экспедиціями. Между прочимъ въ покрытой сѣтью социалдемократическихъ организацій Гуріи отрядомъ подъ начальствомъ Алиханова безъ суда и разбора предавались огню дома и громилась усадьбы: тогда, между прочимъ, въ моей родной деревнѣ сожжена была образцовая частная сельская школа съ опытнымъ виноградникомъ, ни въ чемъ не повинные организаторы-учителя, вовсе и не принадлежавшіе къ социалдемократической партіи, вынуждены были бросить навсегда дорогое для нихъ и цѣнное для населенія дѣло. Въ то же время при дворѣ намѣстника показной предупредительностью буржуазной аристократіи армянскаго общества и невниманіемъ къ представителямъ грузинской знати вызывающе дразнили сословные слои грузинскаго народа, допущеніемъ же избиенія мирныхъ грузинскихъ священниковъ въ исторической столицѣ Грузіи на площади, можно сказать — въ двухъ шагахъ отъ дворца, глубоко взволновали все грузинское общество и даже не интересовавшіеся родной церковью общественные его круги, а въ народѣ стало извѣстно, что уже не редакторъ хотя бы официальной газеты, но болѣе отвѣтственный дѣятель, самъ глава обширной охранны, даетъ за своей подписью въ бесподаннѣйшихъ докладахъ отрицательную въ отношеніи политической благонадежности характеристику грузинъ.

Въ хронологической послѣдовательности въ связи съ различными моментами не находившаго законнаго выхода глубокаго народнаго недовольства совпали, неизвѣстно кѣмъ совершенныя, убійства, съ одной стороны, начальника дѣйствовавшаго въ Гуріи карательнаго отряда Алиханова, сраженнаго въ армянскомъ городѣ Александрополь, и экзарха Грузіи въ Тифлисѣ, съ другой стороны — одного изъ вожаковъ грузинскаго національнаго движенія поэта Чавчавадзе.

Событія въ общемъ, въ частности убійство поэта, усилили у грузинъ болѣзненность національнаго теченія и національную возбудимость. Последней при дворѣ намѣстника пользовались для стравливанія грузинъ съ армянами въ общественныхъ вопросахъ, и въ такой обстановкѣ было инсценировано обсужденіе вопроса сначала о высшемъ учебномъ заведеніи и, когда онъ былъ рѣшенъ въ пользу политехникума, тогда — о выборѣ участка земли въ Тифлисѣ для возведенія его помѣщеній, давшее новую пищу для взаимнаго раздраженія грузинъ и армянъ и углубленія въ грузинахъ чувства національной обиды.

Міровая война, вызвавшая въ моментъ возникновенія общероссійское воодушевленіе и національный подъемъ, усиливъ и въ Грузіи національное теченіе, дала перевѣсъ идеологіи нарастающаго грузинскаго национализма и нанесла тяжкій ударъ интернациональной социалдемократіи. Социалдемократическія организаціи сохранили свою силу, но въ грузинской средѣ, даже демократической, пересталъ вызывать

былое воодушевленіе призывъ, красовавшійся на всѣхъ флагахъ грузинскаго общенациональнаго движенія 1905—1906 годовъ: «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!» Въ Грузіи сталъ ярко намѣчаться девизъ: «націоналисты всѣхъ отбѣнковъ объединяйтесь!» Сама социалдемократія въ лицѣ опредѣленнаго теченія и отдѣльные ея представители стали вкрапливать въ свое ученіе элементы грузинскаго націонализма.

Появленіе великаго князя въ званіи намѣстника дало новый поводъ, въ немъ усмотрѣли возможную опору для усиленія грузинскаго націонализма. У великокняжескаго двора, предполагалось, окажется болѣе сродства съ міропониманіемъ грузинской знати, ея представители встрѣтили въ дворцовой средѣ болѣе воспримчивости къ жалобамъ на накопившіяся у грузинскаго народа обиды, и постепенно они стали доводить до свѣдѣнія высшей власти о національныхъ требованіяхъ по церкви, по школѣ, по общественному самоуправленію. Съ другой стороны, слышій за правую руку великаго князя генералъ Янушкевичъ, имѣвшій опредѣленную антиосманскую репутацію, перенесъ, по циркулировавшимъ въ различныхъ общественныхъ кругахъ свѣдѣніямъ, на армянъ свое отношеніе къ евреямъ, и съ необыкновенной быстротой по всей армянской линіи, даже въ предѣлахъ занятыхъ въ освободительныхъ дѣлахъ русскими войсками земель Турецкой Арменіи, дала себя почувствовать противоримская политика.

Векоръ назначенный экзархомъ Грузіи Пителириъ являлъ невиданное за столѣтъ экзаршаго правленія ярко демонстративное вниманіе и заискивающе-любовное отношеніе къ грузинской паствѣ: русскій экзархъ Грузіи выучился службѣ на грузинскомъ языкѣ и сталъ являться часто по своему почину на торжественныя собранія грузинской національной радости или національнаго горя для совершенія молебствій или панихидъ.

Прощаясь съ экзархатомъ, Пителириъ общалъ грузинамъ поддержать ихъ требованіе автокефаліи въ Петроградѣ, гдѣ онъ векоръ по пріѣздѣ разрѣшилъ имъ имѣть приходскую церковь для службы на грузинскомъ языкѣ. Націоналистически настроенная часть грузинскаго общества, хорошо зная о связяхъ Пителирима и его значеніи, преподнесла ему въ знакъ своего глубокаго уваженія пастырскій посохъ. Національная мысль, окрыленная, стала безсознательно выпрямляться въ путяхъ реставраціи отжившаго, казалось, для передовыхъ реально-демократически настроенныхъ грузинъ мышленія.

Устои національнаго развитія стали предметомъ общаго вниманія широкихъ круговъ грузинскаго народа: когда въ 1905—1906 годахъ на Кавказѣ перебросилось русское освободительное движеніе, въ Грузіи оно нашло сильную поддержку въ охватившихъ широкіе не только рабочіе, но и крестьянскіе слои вышедшихъ изъ подполья социал-демократическихъ организаціяхъ, сословные же слои, націоналистически настроенные, оказались какъ бы не у дѣла. И тогда однако въ ихъ средѣ витали мысли о національной грузинской наукѣ. Группа лицъ изъ этой среды, въ числѣ ихъ князь Н. Тавдгиридзе, обратилась ко мнѣ въ Петроградѣ съ просьбою составить проектъ устава Грузинской Академіи Наукъ, но начинаніе оказалось беспочвеннымъ

въ условіяхъ общественнаго движенія того времени. Съ тѣхъ поръ мысль о національномъ учрежденіи для развитія грузинской науки и черезъ нее грузинской научной рѣчи не переставала работать. Волна интереса къ національной культурѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и къ изученію прошлаго не только увеличилась, но и разлилась по болѣе широкимъ кругамъ. Это отразилось точно на барометрѣ на составѣ слушателей факультета Восточныхъ языковъ: грузины-студенты умножились на армяно-грузинскомъ разрядѣ и составили главный контингентъ вообще немногочисленной аудиторіи, грузинскій студенческій научный кружокъ при факультетѣ подъ руководствомъ и при живомъ участіи моихъ учениковъ-грузинъ развилъ интензивную дѣятельность по изученію родной культуры, что сказалось на приливѣ студентовъ-грузинъ со всѣхъ факультетовъ и даже студентокъ-грузинокъ съ Высшихъ Женскихъ Курсовъ на кавказовѣдныя, но преимущественно грузиновѣдныя лекціи, почему чтеніе нѣкоторыхъ лекцій и мнѣ пришлось перенести изъ почти пустой аудиторіи, разчитанной максимум на десятокъ, другой студентовъ, въ полную аудиторію, вмѣщавшую десятки слушателей и слушательницъ. Въ Тифлисѣ возникло общество любителей грузинской культуры, но практически научная работа находила свое осуществленіе въ самой Грузіи лишь въ тѣсномъ кругу немногихъ ученыхъ и энтузіастовъ, группировавшихся главнымъ образомъ около Грузинскаго Общества исторіи и этнографіи. Вопросы о правильной постановкѣ преподаванія родного языка въ гимназіи, о болѣе состоятельномъ научно-правовесаніи и т. п. не переставали обсуждаться.

Въ Грузіи много работали въ послѣднее время по вопросу о полной націонализациі преподаванія въ грузинскихъ гимназіяхъ. Революція застала грузинъ за ожесточеннымъ споромъ: допускать ли въ грузинскія гимназіи переводъ грузинъ же дѣтей изъ гимназій не съ грузинскимъ преподавательскимъ языкомъ? Съ первыхъ же дней революціи учительскіе съѣзды постановили націонализацию начальныхъ школъ Грузіи и внесеніе во всѣ средне-учебныя заведенія той націонализациі преподаванія, которую до революціи имѣли въ виду осуществить лишь въ своихъ гимназіяхъ, — гимназіяхъ грузинскаго дворянства, составляющаго естественно всей психологіею своего историческаго склада ума ядро национальныхъ партій почти всѣхъ отгѣнковъ.

Соціалдемократія, увлекаемая общимъ націоналистическимъ теченіемъ родного края, сильно наклонилась въ сторону національнаго общественнаго міросозерцанія. Это нагляднѣе сказалось прежде всего въ образованіи кавказской высшей революціонной власти — въ Особомъ Закавказскомъ Комитетѣ, этомъ союзѣ лебеда, щуки и рака, именно грузинской соціалдемократіи, армянской національной партіи («дашнакцутыонъ») и кавказской общемусульманской организаціи, подъ религіознымъ знаменемъ способной вести лишь къ турецкой гегемоніи надъ всѣми мусульманскими народами Кавказа, отнюдь не турецкими въ большинствѣ.

¹ По отсутствію широкаго образованія и особенно знанія сложныхъ въ теченіе вѣковъ слагавшихся культурно-историческихъ взаимоотношеній кавказскихъ народовъ, выдающіеся вожаки грузинской соціал-демократіи къ рѣшенію мѣстныхъ

общекраевыхъ вопросовъ стали подходить, естественно, съ присущей имъ природно-національной точки зрѣнія, какъ только жизнь возложила на нихъ бремя улаживанія національныхъ трений. Безспорные интернационалисты вѣдъ предѣловъ Кавказа, на Кавказѣ незамѣтно для себя они переродились въ націоналистовъ-грузинъ. Ослѣпленные внѣшнимъ успѣхомъ своей партіи на родинѣ, они не замѣчали и, быть можетъ, не видятъ и теперь, что обостреніе взаимной розни народовъ Кавказа ни при какомъ направленіи стараго режима не достигало той глубины и угрожающей самыми роковыми послѣдствіями и Кавказу, и вообще Россійскому Государству, — серьезности, какъ нынѣ, когда работавшій подъ русскимъ революціоннымъ флагомъ Особый Закавказскій Комитетъ открылъ широкія двери исползованію революціонныхъ пріемовъ дѣйствія не для укрѣпленія на Кавказѣ общегражданскихъ свободъ, а для обезпеченія той или иной національности успѣха въ борьбѣ за кавказскую гегемонію путемъ реставраціи древнихъ національныхъ институтовъ, хотя бы съ призракомъ ихъ бывлой реальности и созданія на ихъ усиленіе новыхъ.

Если социалдемократы не могли избавиться отъ крещенія въ духѣ націонализма, то этотъ процессъ еще сильнѣе естественно должны были пережить социалисты-федералисты, перенесшіе центръ федерализма съ принципа самоуправленія на основѣ провозглашенныхъ русской революціею демократическихъ свободъ, — самоуправленія, способнаго дойти до формъ самой широкой автономіи, на національное начало, обосновывавшее самоуправленіе на историческихъ правахъ, на извѣстномъ трактатѣ, и ведущее неминуемо или къ выдѣленію Грузіи изъ общекавказскаго комплекса или къ возстановленію бывлой гегемоніи грузинскаго народа надъ Кавказомъ вообще.

Грузинское крыло національнаго движенія усилилось: съ первыхъ шаговъ усиленіе получило свое выраженіе въ фактѣ вступленія въ составъ Особаго Закавказскаго Комитета федералиста націоналиста Киты Абашидзе. Ему то и было передано какъ бы кавказское вѣдомство народнаго просвѣщенія, чѣдъ сулило быстрое осуществленіе націонализаціи всей школы на грузинской территоріи, включая Тифльсь. Затрудненіе могло встрѣтиться, казалось, лишь по периферіи Грузіи съ точки зрѣнія вопроса о предѣлахъ ея территоріи. 12 сентября въ мѣстныхъ газетахъ оповѣщено утвержденіе высшей мѣстной властью фактической націонализаціи всѣхъ среднеучебныхъ заведеній Кавказа.

II.

Въ обстановкѣ такого быстрого и нагляднаго успѣха въ учебномъ дѣлѣ націонализаціи логически должна была быть проведена и въ высшей школѣ, но высшей школы государственной не оказалось на мѣстѣ. Националистическія грузинскія общественныя группы посему не могли отнестись къ идеѣ созданія національнаго университета иначе, какъ съ распростертыми объятіями. Идея же сама и конструкція Грузинскаго Университета если не вса, то въ основной оригинальной ея части принесена въ Тифльсь, судя по программѣ, изъ Петрограда, изъ круга моихъ учениковъ грузинъ, идеа-

лирически или точнѣ національно-романтически настроенныхъ, но жестокихъ теоретиковъ, плохо знающихъ реальную жизнь Кавказа въ ея международномъ масштабѣ и разошедшихся съ нами не только въ пониманіи культурныхъ интересовъ Грузіи, но и чисто научныхъ задачъ, въ частности научныхъ задачъ гуманитарнаго кавказовѣдѣнія. Это не помѣшало тому, что формально вся схема общей постановки этой части научнаго дѣла по уставу Грузинскаго Университета представляетъ попытку провести въ жизнь въ грузинской средѣ наше пониманіе, я бы сказалъ русское научное пониманіе реально-филологическаго изученія переднеазиатскаго міра, однако, съ искаженіями, безъ осознанія гибельности такихъ кажущихся неважными искаженій и для общественныхъ и для научныхъ достиженій. Это научное пониманіе выношено болѣе, чѣмъ полувѣковой работой факультета Восточныхъ языковъ, является сколкомъ того, что удалось осуществить реально или намѣтить программно для ближайшаго осуществленія на названномъ факультетѣ. Потому съ большимъ изумленіемъ прочиталъ я слѣдующую вступительную часть объяснительной записки къ основнымъ положеніямъ устава Грузинскаго Университета: «Грузинскій Университетъ предначерталъ своей будущей дѣятельности тѣ же научныя задачи, которыя общи университетамъ всѣхъ странъ и народовъ. Но, сверхъ того, своей первѣйшей и ближайшей задачей Грузинскій Университетъ считаетъ всестороннее научное изученіе прошлаго и современности человека и природы Грузіи, Кавказа и Ближняго Востока. По этой то причинѣ программа лекцій Грузинскаго Университета въ вышеуказанныхъ областяхъ знанія будетъ соответственно обширна, включая въ себѣ такія дисциплины, каковыя совокупно въ этомъ видѣ и съ этой точки зрѣнія еще ни въ одномъ другомъ университетѣ не были намѣчены въ качествѣ предметовъ научнаго изученія и университетскаго преподаванія. Особенно широко предположено поставить грузиновѣдѣніе, напр., грузинское языкознаніе, изученіе грузинской діалектологии и кавказовѣдѣнія, будетъ введено чтеніе лекцій: по грузинской археологіи, эпиграфикѣ и палеографіи, по экономической исторіи Грузіи, по современному экономическому положенію Грузіи, Кавказа и ближняго Востока, по аграрному вопросу въ Грузіи, по грузинской церковной исторіи, по исторіи грузинской свѣтской литературы, по исторіи грузинскаго искусства. Сверхъ обычныхъ лекцій предполагается постепенно организовать чтеніе лекцій по персидско-грузинской, византійско-грузинской, армяно-грузинской, турецко-грузинской литературамъ и исторіи и по др.»

Если исключить нѣкоторую неряшливость редакціи перечня, въ которой отдѣльныя научныя области и научныя дисциплины перемѣшаны другъ съ другомъ и со спеціальными курсами и даже ихъ частями по тѣмъ или инымъ востоконѣднымъ дисциплинамъ, все, выдаваемое за неслыханную новость, давно не только намѣчено, но осуществлено и осуществляется въ Петроградѣ на факультетѣ Восточныхъ языковъ, изъ программы котораго и обзорнѣйшаго преподаванія и заимствованы всѣ термины, кромѣ одного. Изгнанъ терминъ «яфетическій» и вмѣсто него введенъ «грузинскій», чтобы въ націоналистическихъ цѣляхъ придать видовому термину «грузинскій» такое родовое значеніе, какъ если бы въ русской школѣ и въ русской наукѣ установили

терминъ «русскій» употребляютъ вмѣсто термина «славянскій», болѣе того — вмѣсто термина «индоевропейскій». Можно думать, что ни Уставъ, ни особенно объяснительная къ нему записка не были разсчитаны на движеніе далѣе Особаго Закавказскаго Комитета. Особый же Закавказскій Комитетъ въ этотъ разъ не взялъ на себя отвѣтственности утвержденія, признавъ однако себя достаточно компетентнымъ лишь въ предѣлахъ поддержки положительнаго его рѣшенія. Въ учрежденіи Грузинскаго Университета въ томъ видѣ, какъ его предполагаетъ Общество Грузинскаго Университета, Особый Закавказскій Комитетъ усмотрѣлъ исполненіе долга, лежащаго на обновленной Россіи.

Противъ этого я вынужденъ протестовать какъ пли завѣдомой неправды, пли явнаго непониманія. Особый Закавказскій Комитетъ указываетъ на весьма почтенный составъ Общества Грузинскаго Университета: это безспорно, и нѣтъ основанія умалять ихъ выдающееся значеніе въ грузинской жизни. Въ числѣ повменованныхъ рядомъ съ историкомъ Е. С. Такайшвили, прекраснымъ специалистомъ, названы такіе характерные и видные грузинскіе общественные дѣятели, какъ Журули и князь Абхазіи, пользующіеся волюнѣ основательно большимъ влияніемъ въ волюнѣ определенныхъ кругахъ грузинскаго населенія. Да и само предпріятіе возникло въ линія того націоналистическаго теченія, которое понятно, какъ протестъ противъ душившаго все живое прежняго режима, понятно, какъ его порожденіе, но не имѣетъ никакого реального оправданія въ условіяхъ современной жизни, никакого основанія предъявлять счетъ молодой Грузіи къ обновленной Россіи, если намъ желательно строить ее, а слѣдовательно и ея жизнь дѣйствительно на новыхъ свободныхъ началахъ и не погашать въ ней новый свободный духъ.

Особый Закавказскій Комитетъ, повѣривъ объяснительной запискѣ, поддерживаетъ ходатайство указаніемъ также на оригинальность подбора кавказовѣдныхъ дисциплинъ въ Грузинскомъ Университетѣ и на то, что нѣкоторыя изъ нихъ «въ немъ будутъ преподаваться въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ не преподаются ни въ одномъ изъ существующихъ университетовъ».

Хуже несоотвѣтствія дѣйствительности та грустная правда, которая содержится въ этихъ строкахъ и въ источникѣ ихъ, уже приведенномъ нами *in extenso* отрывкѣ изъ объяснительной записки о яковы нигдѣ не читавшихся и даже не намѣчавшихся новыхъ курсахъ и т. п. Дѣло въ томъ, что на всемъ Кавказѣ и вообще внѣ Петрограда нѣтъ никого, кто бы былъ подготовленъ читать эти курсы. И такъ какъ я не имѣю основанія не вѣрить, что курсы эти всё-таки будутъ добросовѣстно читаться въ Грузинскомъ Университетѣ въ Тифлисѣ, то, слѣдовательно рѣчь идетъ объ исходѣ изъ факультета Восточныхъ языковъ тѣхъ единственныхъ пока специалистовъ, которые могутъ читать и читаютъ эти имено курсы на немъ.

Слухи объ этомъ исходѣ до меня доходили, но мнѣ не вѣрилось, что въ чьихъ либо общественно-просвѣтительныхъ интересахъ можетъ произойти покушеніе на подрываніе того одинокаго дуба, плодами котораго мы все, оріенталисты-кавказовѣды, безъ различія національности и направленія одинаково вскормлены и кормимся.

Касаясь исключительно оцѣнки дѣловой стороны такого шага, могу съ полнымъ убѣжденіемъ утверждать, что онъ свидѣтельствуеетъ о намѣренномъ разрывѣ съ факультетомъ Восточныхъ языковъ, о желаніи не понимать того, что безъ тѣснаго съ нимъ общенія одной богатой программой Грузинскій Университетъ въ его оригинальной кавказовѣдной части дѣли не достигнетъ: работа безъ того научнаго антуража, подбора смежныхъ историко-филологическихъ и востоковѣдныхъ наукъ, которымъ располагаемъ мы, въ Петроградскомъ Университетѣ, не только окажется сама по себѣ малоплодотворной, но скоро низведетъ специалистовъ, собравшихся устроить своего рода «сецессію», съ уровня съ трудомъ достигнутой высоты научной атмосферы.

Итакъ, настоящимъ предпріятіемъ при наличныхъ реальныхъ условіяхъ наносится ударъ научному кавказовѣднію, слѣдовательно — интересамъ въ частности и того дѣла, для развитія котораго по видимости организуется хотя бы соответственная часть Грузинскаго Университета.

III.

Не могу допустить и мысли, чтобы организаторы Грузинскаго Университета дѣйствительно не понимали того, что они дѣлаютъ. Новое учрежденіе, остается признать, не только возникаетъ въ линіи крайняго увлеченія идею націонализаціи грузинскаго учебнаго дѣла, какъ вѣнчаніе его высшей школой, но и задачи ея, этой грузинской высшей школы, въ первую голову не научныя, а національныя. Способъ дѣйствія можетъ вытекать изъ существующаго по глубокому недоразумѣнію въ той же средѣ убѣжденія, что пользованіе не-грузинской рѣчью въ научномъ изложеніи грузиновѣдныхъ дисциплинъ, въ частности даже объясненіе въ словарѣ грузинскихъ словъ русскими затемняетъ языковую психологію грузинскаго народа. Если бы рѣчь была о преподаваніи не на родномъ языкѣ въ начальныхъ школахъ, то спора здѣсь не могло быть, но упомянутая теза въ примѣненіи къ высшей школѣ, особенно въ области научнаго изслѣдованія мало того, что теоретически несостоятельна, она утверждаетъ нѣчто совершенно противоположное дѣйствительности, эта теза приводитъ къ полному извращенію истиннаго положенія вещей, именно къ утвержденію, что не-грузины не способны заниматься грузиновѣдніемъ, тогда какъ всѣмъ современнымъ научнымъ развитіемъ востоковѣднія, именно творческимъ моментомъ въ немъ, мы обязаны именно европейской наукѣ, вообще европейцамъ, въ числѣ ихъ и русскимъ. И въ этомъ отношеніи кавказовѣдныя дисциплины не составляютъ исключенія; наоборотъ, если историко-филологическія дисциплины, занимающіяся разработкой армянскихъ и грузинскихъ матеріаловъ, не удастся довести до той степени развитія, какой эти матеріалы заслуживаютъ и какой достигли другія востоковѣдныя области, то въ значительной степени повинно въ этомъ, какъ не разъ приходилось высказываться печатно съ фактическими доводами, хорошо извѣстное обстоятельство: большинство работниковъ по кавказовѣднію — представители народовъ, объектовъ изслѣдованія, и они, независимо отъ трудности по существу самонаблюденія и самооцѣнки — вообще «познания себя», попадаютъ въ безвыходное положеніе, въ виду какъ общаго современнаго

культурнаго состоянія самихъ кавказскихъ народовъ, такъ особенно захватывающихъ ихъ дѣликомъ жизненныхъ политическихъ проблемъ: и, разъ обостряются національныя отношенія кавказской жизни въ условіяхъ чрезвычайной перепутанности, они, естественно, психологически не способны встать на вполне объективную научную точку зрѣнія въ разрабатываемыхъ ими спеціальностяхъ, до сихъ поръ для нихъ нѣтъ собственно историко-филологической области востоковѣднія по Кавказу, а націоналистически *in majorem gloriam* даннаго народа воспринимаемая: арменовѣдніе и грузиновѣдніе.

Потому-то въ предположенномъ къ учрежденію Грузинскомъ Университетѣ мы наблюдаемъ выдѣленіе грузиновѣдныхъ частей изъ кавказовѣднія, сосредоточеніе научной мысли въ служебныхъ національныхъ дѣлахъ преимущественно, можно сказать — исключительно на культурныхъ сторонахъ жизни грузинскаго народа, т. е. совершенно ярко выступаетъ подмѣна научной классификаціи историко-филологическихъ дисциплинъ, посвященныхъ Кавказу, дѣленіемъ по національнымъ признакамъ изслѣдуемыхъ матеріаловъ. Съ точки зрѣнія націоналистически понятыхъ задачъ Грузинскаго Университета такое положеніе дѣла опять таки понятно, но научно его оправдать нельзя: въ указанной чертѣ программы Грузинскаго Университета шагъ назадъ съ существующимъ на факультетѣ Восточныхъ языковъ положеніемъ дѣла и здѣсь реставрація, уже въ наукѣ, отжившей націоналистической классификаціи предметовъ, внесенной въ наши учебные планы и поддерживавшейся пленно націоналистически мыслящими кавказцами-кавказовѣдами.

Рядомъ съ грузинами взятыя за учрежденіе Университета въ Тифлисѣ склонны и армяне. Правда, что сейчасъ русскіе армяне вопросомъ о жизни и смерти родной имъ бывшей Турецкой Арменіи отвлечены отъ внутреннихъ дѣлъ, отъ заботъ даже о важнѣйшихъ своихъ культурныхъ потребностяхъ. Правда также, что неизвѣстно и то, гдѣ будетъ послѣ войны центръ армянской культурной жизни, не въ Ванѣ ли? Но мимоходомъ отдѣльные органы печати и отдѣльныя не особенно близко у живого трагически развертывающагося національнаго дѣла стояція группы армянъ предлагаютъ организовать или организуютъ уже нѣкоторыя предпріятія интересующаго насъ порядка. Такъ, недавно въ армянской печати было сдѣлано предложеніе перенести на Кавказъ въ районъ кореннаго армянскаго населенія Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ, хотя одновременно у армянъ же появилось возраженіе на это, основанное на томъ, что пересадка Лазаревскаго Института изъ такого культурнаго центра, какъ Москва, въ Эривань, пустыню въ культурномъ отношеніи, понизитъ уровень его просвѣтительной работы и лишитъ его благотворнаго въ этомъ отношеніи значенія для армян¹.

Съ другой стороны въ началѣ лѣта, въ іюнѣ, армяне обсуждали въ Тифлисѣ вопросъ объ учрежденіи армянскаго Университета въ столицѣ Кавказа, въ первую голову факультета Восточныхъ языковъ или, вѣрнѣе, разряда арменовѣднія. И у нихъ,

¹ О желательной съ нашей точки зрѣнія перестройкѣ этого учебнаго заведенія см. выше, стр. 1474, записку «Къ вопросу о реорганизаціи Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ», въ приложеніи къ прот. ИФ 1918 VIII.

насколько я могъ выяснитъ себѣ изъ обмѣна мнѣній на двухъ совѣщаніяхъ, на которыя я былъ приглашенъ, также имѣется въ виду постановка преподаванія не по научной классификаціи, а по націоналистическому подбору кавказовѣдныхъ дисциплинъ. Между прочимъ, здѣсь попутно выяснилось чрезвычайно показательное явленіе: у армянъ съ ихъ давнишними автономными правами на національную школу и стѣтью построенныхъ на такъ называемыхъ національныхъ началахъ среднихъ учебныхъ заведеній, именуемыхъ семинаріями и училищами разныхъ типовъ, да и съ національной Духовной Академіею въ Эчмиадзинѣ, находившихся по идеѣ въ полномъ и неограниченномъ управленіи самого армянскаго народа, оказалось меньше научныхъ силъ на мѣстѣ для веденія національно конструированной высшей школы, чѣмъ у грузинъ, главной массой воспитывавшихся въ русской школѣ обычнаго типа и въ своихъ даже всего на всего двухъ національныхъ гимназіяхъ, гимназіяхъ грузинскаго дворянства, терпѣвшихъ гнетъ государственнаго контроля и государственнаго языка въ качествѣ преподавательскаго. У армянъ не оказалось специалистовъ ученыхъ въ сколько-нибудь достаточномъ числѣ даже по національнымъ дисциплинамъ.

IV.

Въ то же время на Кавказѣ всѣ прекрасно видятъ одно вакантное мѣсто; это — мѣсто, пустующее въ Тифлисѣ за отсутствіемъ государственнаго Университета и требующее замѣщенія. Занять его естественно стремится и Грузинскій Университетъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ статей его устава, такъ, напр., изъ статьи 10 о правѣ выдать ученую степень доктора. Въ линіи развитія національнаго движенія грузинъ это вполне понятно. Тифльсъ — центръ Кавказа, но Тифльсъ въ то же время исторически безспорно грузинскій городъ. Отсюда послѣдовательно грузинская національная мысль, независимо отъ всякихъ научныхъ заданій и безъ страха передъ научной отвѣтственностью, спѣшитъ, какъ суверенный и нынѣ, по ея убѣжденію, хозяинъ города, представить себя въ немъ высшей въ краѣ школой, Университетомъ, какъ не теряетъ она времени, чтобы обезпечить за собой тамъ же соответственно первое мѣсто высшимъ въ краѣ представителемъ православной церкви, католикосомъ всея Грузіи, и, кромѣ того, тифлисскимъ митрополитомъ.

Когда рѣчь идетъ о церкви, то такое стремленіе грузинъ и нынѣ имѣетъ основаніе, особенно посколькѣ дѣло касается возглавленія національно понимаемой грузинской православной церкви.

Но въ идейномъ обоснованіи даже законнаго и нынѣ тяготивія грузинъ къ Тифлису, тѣмъ болѣе домогательства къ полному въ немъ господству, кроется коренное недоразумѣніе, политическій анахронизмъ, приводящій въ столкновеніе національныя, правильныя, я бы сказалъ, националистическія стремленія уже не съ старымъ режимомъ, но съ провозглашенными русской революціею свободами и вытекающими изъ нихъ требованіями свободной гражданской жизни и на Кавказѣ.

По одному изъ многочисленныхъ недоразумѣній въ представленіяхъ русскаго общества о занимающей насъ окраинѣ, Кавказъ въ цѣломъ считается созданіемъ

русской бюрократіи, — край, искусственно скроеннымъ изъ случайнаго конгломерата народовъ и племенъ. Такъ, и при томъ вполне искренно, думаютъ въ большинствѣ современные представители отдѣльныхъ кавказскихъ народовъ, въ частности и грузины. На самомъ дѣлѣ Кавказъ, какъ цѣлое, имѣетъ свою долгую предолгую до-русскую исторію и даже періодъ до-письменной исторіи. Существа не мѣняется, что въ древности этотъ реальній Кавказъ выступаетъ подѣ тѣмъ или инымъ племеннымъ названіемъ. Эти названія не всегда имѣютъ голое или одно этническое значеніе, такъ, напр., ни терминъ грузинъ (qarǰvel), ни терминъ армянинъ (ha) въ древности не имѣли значенія чисто этнически-національнаго, а религіозно-національнаго, затѣмъ культурно-національнаго и политически-національнаго. Qarǰvel въ частности означалъ реально всю совокупность не только грузинскихъ и родственныхъ грузинамъ племенъ и народовъ, но и не родственныхъ, лишь бы они входили въ составъ грузинскаго коллектива, иногда политическаго, иногда лишь культурнаго, но никогда не этнически лишь грузинскаго. Въ блестящіе періоды исторіи Грузіи терминъ «Sa-qarǰvel», т. е. Грузія, обнималъ весь Кавказъ, и, если на сѣверѣ оиъ не достигалъ предѣловъ современнаго Кавказа, то на югѣ и юго-западѣ выходилъ далеко за предѣлы бывшаго имѣстничества. Грузинская націоналистическая мысль, говоря о Грузіи, о «Sa-qarǰvel», и нынѣ мыслить о странѣ въ древнемъ масштабѣ — въ указанныхъ предѣлахъ, т. е. по существу о нашемъ Кавказѣ.

Я не касаюсь историческаго анахронизма, именно того, что Россія добровольнымъ присоединеніемъ къ ней Грузіи вовсе не получала изъ рукъ грузинскаго царя подѣ названіемъ Грузіи столь обширнаго края. Но что для насъ сейчасъ важнѣе отмѣтить, тотъ же обширный край за сто лѣтъ русскаго правленія не только перемѣнилъ названіе, расширившись по сю сторону кавказскаго хребта и въ связи съ этимъ окрещенный въ «Кавказъ», но преобразился и внутри, прежде всего въ части взаимоотношеній мѣстныхъ народовъ, значительно развился въ демократическихъ слояхъ и еще до революціи чувствовалъ потребность въ новомъ общественномъ укладѣ, перестройкѣ его на прогрессивныхъ началахъ и соответственномъ устроеніи школьнаго дѣла, а никакъ не на реставраціи давно пережитого, на основаніи реминисценцій, до-русскаго правленія.

Надо имѣть въ виду, что на этомъ совершенно реальномъ явленіи и связанныхъ съ нимъ фактахъ, а не на проникновеніи грузинскихъ массъ идеями ученія Маркса держится усилѣтъ социал-демократической партіи въ Грузіи и тѣсная органически неразрывная работа сознательныхъ и некренныхъ социал-демократовъ грузинъ съ русскими социал-демократами.

Сознательная часть грузинскихъ рабочихъ и крестьянства, вообще грузинской крестьянской массы противъ націоналистической конструкціи уклада кавказской жизни, противъ національнаго обособленія Грузіи. Въ то же время, за сто лѣтъ русскаго правленія, съ одной стороны, на югѣ достигло большого развитія правосознаніе армянскаго крестьянскаго населенія, вообще армянскаго народа, а съ другой, — на сѣверѣ разноплеменное населеніе горскаго населенія, въ лицѣ четырехъ, пяти группъ, даге-

станской, чеченской, осетинской и абхазской съ черкесской, вступило на путь, каждая пзъ группъ, собственнаго національнаго самоопредѣленія. Я не забудь, а особо упомяну о разноплеменномъ и многочисленномъ турецкомъ народѣ, который неудачная рѣчь кавказской бюрократіи, да и обывательское пониманіе кавказской этнографіи прикрыли терминомъ «мусульмане», что даетъ поводъ къ возникновенію ряда недоразумѣній въ частности и въ вопросѣ объ организаціи школьнаго дѣла. Намѣренно умалчиваю о русскихъ.

Итакъ Тифлисъ, исторически безспорно грузинскій городъ, за сто лѣтъ русскаго правленія выросъ столь же безспорно въ центръ всего Кавказа, который нѣтъ никакой возможности отождествить нынѣ съ Грузіею. Тифлисъ при этомъ центръ не только административный, но и культурный всего Кавказа. И если эту реальность кто-либо можетъ забыть, то не русскій народъ: русскій народъ не имѣетъ права это забывать, ибо на немъ, и нынѣ, по провозглашеніи свободъ, на немъ болѣе, чѣмъ на комъ-либо, лежитъ долгъ дальнѣйшей демократизаціи общественнаго уклада жизни на пользу народныхъ слоевъ давно самоопредѣлившихся національностей, получившихъ свободу или отъ мусульманскаго, персидскаго и турецкаго ига, или отъ родного словія крѣпостниковъ за время русскаго правленія; на немъ же лежитъ долгъ поддержки дальнѣйшаго культурнаго роста народовъ Кавказа, культурно самоопредѣлившихся уже за время русскаго правленія, на немъ долгъ облегчить пріобщеніе къ благамъ подлинной высшей школы всѣмъ безъ исключенія народамъ Кавказа. Въ этомъ, и лишь въ этомъ наиболѣе дѣйствительная гарантія, что сознаніе самодовлѣющей цѣнности культурной независимости будетъ принято населенію, гарантія замѣны, наконецъ, пережиточной зоологической идеологіи, отлитой въ формѣ средневѣковаго религіознаго мышленія, научнымъ общественнымъ міровоззрѣніемъ, безъ чего нѣтъ и не будетъ утвержденія новыхъ свободъ въ краѣ, ни огражденія народовъ Кавказа отъ самыхъ невыносимыхъ духовныхъ крѣпостническихъ посягательствъ, отъ кого бы они ни исходили. Не надо забывать, что всѣ эти горекіе народы въ общей сложности, не уступающей по численности ни одной изъ мѣстныхъ хрестіанскихъ національностей Кавказа, мусульмане, кромѣ абхазовъ, народа съ исключительно своеобразнымъ и для Кавказа религіознымъ и общественнымъ бытомъ.

Сейчасъ не время останавливаться на подробностяхъ, но можно себѣ представить въ общемъ, къ какой постановкѣ учебнаго дѣла обязываютъ указанныя казакскія междунаціональныя отношенія въ части гуманитарныхъ наукъ въ соответствующемъ своему назначенію Университетѣ, имѣющемъ оправданіе и основаніе для помѣщенія въ культурномъ центрѣ всего Кавказа, какова бы этотъ Университетъ ни былъ типа, стараго простаго или новаго сложнаго.

Такимъ образомъ, разсматривая вопросъ объ Университетѣ въ Тифлисѣ съ точки зрѣнія интересовъ разноплеменнаго населенія Кавказа, мы видимъ, что, во-первыхъ, ни у грузинъ, ни у армянъ нѣтъ пока въ реальности научныхъ силъ, ни національныхъ ученыхъ учреждений, способныхъ, независимо отъ російскихъ или западноевропейскихъ расадниковъ науки, создать ихъ въ ближайшіе годы въ достаточномъ количествѣ, чтобы обслуживать университетскія нужды; во-вторыхъ, и тогда, когда

народятся эти научныя силы тѣмъ или инымъ путемъ, конструкція національныхъ университетовъ, обслуживающихъ исключительно, хотя бы лишь въ первую голову въ наличномъ кавказскомъ пониманіи воспринимаемая національная задача, искажаетъ самый смыслъ университетскаго преподаванія; она, съ одной стороны, деградируетъ науку, ставя и ее и ея адептовъ въ служебное положеніе не только переходящимъ, но отжившимъ представленіямъ о благѣ народа, а съ другой — соотвѣтственной постановкой научныхъ областей, неизбѣжно влияющихъ на выработку историческаго самосознанія, въ части ея, грозитъ въ погонѣ за оправданіемъ гегемоніи той или иной кавказской народности стать источникомъ все болѣе и болѣе углубляющагося обостренія взаимной розни и взаимнаго отчужденія кавказскихъ народовъ.

V.

Слѣдовательно, дѣло по существу вовсе не въ томъ, что національные университеты на Кавказѣ, доступные лишь говорящимъ или по-грузински или по-армянски, оставляютъ остальное населеніе обойденнымъ въ заботахъ государства о высшемъ образованіи, поставятъ его въ положеніе гражданъ второго и даже третьяго ранга. А дѣло въ томъ, что они никому, и обладателямъ такихъ національныхъ университетовъ не обеспечиваютъ дѣйствительно высшаго университетскаго образованія, наоборотъ, обеспечиваютъ пониженіе его уровня и вообще сгущеніе атмосферы ядоноснымъ чадомъ взаимнаго непониманія и взаимной вражды.

При иной же, чѣсто научной, а не націоналистической постановкѣ дѣла національные университеты пока — и долго — могли бы служить добрую службу дѣлу просвѣщенія и наукъ лишь распространеніемъ научнаго мышленія въ широкіе круги, даже въ народныя массы, что на Кавказѣ можетъ совершаться только на народныхъ языкахъ, только въ національныхъ университетахъ. Въ этомъ отношеніи правильно понятыя интересы государственнаго культурнаго хозяйства требовали бы поддержанія національныхъ университетовъ, какъ органовъ высшаго народнаго просвѣщенія, какъ проводниковъ научнаго мышленія и научныхъ идей въ народныя массы, независимо отъ того, будутъ ли они частными учебными заведеніями или новая жизнь въ Россіи найдетъ для нихъ особое государственно-правовое положеніе, какъ, съ другой стороны, правильно понятыя интересы національныхъ университетовъ на Кавказѣ обязывали бы заправить ихъ содѣйствовать насажденію государственнаго Университета въ Тифлисѣ съ постановкой въ немъ кавказовѣднхъ наукъ на широкой научной базѣ въ духѣ универсализма и общекавказскихъ культурныхъ интересовъ.

Понятно, у работниковъ научно-національной на Кавказѣ школы этого типа проявилось бы бережное отношеніе къ живымъ силамъ организациі главнаго у насъ разсадника востоковѣдннхъ, сложившейся работой нѣсколькихъ поколѣннхъ, его питомцамъ не могло бы прійти въ голову погасить своимъ внезапнымъ уходомъ этотъ источникъ научнаго свѣта именно по полнотѣ кавказовѣдннхъ единственный не только въ Россіи, но и въ Европѣ, вообще противополлагать *almae matri*, университету, *almae matrem*, Грузію, какъ цѣнность одного порядка.

При намѣченной же постановкѣ дѣла въ Грузинскомъ Университетѣ думать о такихъ плодотворныхъ взаимныхъ отношеніяхъ въ ближайшее время не приходится. Нѣтъ, однако, основанія отрицать, что максималистическія мечты романтиковъ-иниціаторовъ Грузинскаго Университета въ имѣющее наступить спокойное время реальной жизни будутъ приведены къ трезвымъ и дѣйствительно научнымъ взглядамъ грузинскаго общества на задачи національнаго ихъ Университета. Самъ грузинскій народъ, давно и дѣйственно выступающій на широкій путь демократизаціи реальныхъ устоевъ своей національной жизни, никогда не примирится съ сектантско-националистическимъ духомъ и строемъ школы. Министерство въ этихъ видахъ имѣетъ не только право, но и долгъ благословить начинаніе Общества Грузинскаго Университета, какъ частнаго высшаго учебнаго заведенія, указавъ однако соотвѣтственно его правовые предѣлы.

Но всё-таки остается пустое мѣсто, давно ожидающее замѣщенія — мѣсто для подлиннаго Университета. И вотъ это то мѣсто немедленно должно быть занято. Помимо интересовъ живого разноплеменнаго населенія Кавказа, потребность на этой окраинѣ въ Университетѣ создается громаднымъ богатствомъ матеріала, могущаго и долженствующаго послужить объектомъ работъ ученыхъ изслѣдовательскихъ учреждений Университета.

Основаніе Кавказскаго Историко-Археологическаго Института съ его составомъ въ четыре ученыхъ работника лишь капля тѣхъ силъ, которыя требуются для разработки матеріаловъ по однимъ гуманитарнымъ наукамъ. Плодотворность работъ и этого новаго учрежденія скажется тогда, когда пополненіе кадра его изслѣдователей и особенно необходимыхъ на мѣстахъ многочисленныхъ сотрудниковъ будетъ обеспечено въ дополненіе къ силамъ, подготовляемымъ факультетомъ Восточныхъ языковъ, и вообще центральными высшими учебными заведеніями, питомцами кавказскаго Университета.

На разработку этихъ богатыхъ кавказскихъ матеріаловъ русская наука, универсальная какъ и западно-европейская, имѣетъ особыя права, такъ какъ во многихъ случаяхъ у нея исключительная подготовка для независимаго компетентнаго сужденія, для правильнаго рѣшенія научныхъ задачъ, стоящихъ въ міровой наукѣ въ связи съ изученіемъ Кавказа, напр., по культурной исторіи человѣчества на пространствѣ отъ курганнаго юга Россіи до Ассиро-Вавилоніи и Хетской страны.

Между тѣмъ на всѣмъ видное вакантное мѣсто университета въ Тифлисѣ притязаютъ другія безспорно лучше, чѣмъ грузинскій или армянскій народъ, подготовленные для развитія научной дѣятельности иностранныя государства. Понятно, они могутъ сдѣлать это и обходнымъ путемъ, отнюдь не видѣраясь въ предѣлы Кавказа, — отводя на свою мельницу культурнаго сотрудничества кавказскихъ національных научныхъ учреждений. Въ запискѣ о Кавказскомъ Историко-Археологическомъ Институтѣ¹, кажется, мнѣ удалось выяснитъ съ достаточной ясностью, какимъ кольцомъ научныхъ предпріятій, использованиемъ кавказскихъ научныхъ силъ у себя, въ Европѣ, и экспе-

¹ ИРАН., 1917, 962 сл.

дціями къ Кавказу изъ Турціи и внутрь самаго Кавказа западные европейцы, особенно же систематически нѣмцы охватили эту почти непечатую сокровищницу научныхъ матеріаловъ. Послѣ войны наружно — для вида — поставягь вопросъ о гарантирующемъ всеобщій миръ разграниченіи Россіи и Турціи, которая, понятно, не Японія и не способна конкурировать съ нами просвѣтительными учрежденіями. Но за Турцію готово будетъ работать любое изъ культурныхъ государствъ, тѣнь одного изъ которыхъ и нынѣ виднѣется.

Въ мартовскомъ за этотъ годъ (1917) номерѣ столь серьезнаго, какъ *Peterman's Mitteilungen*, органа появилась любопытная въ этомъ отношеніи рецензія на книжку Борка о «Грузинскомъ народѣ»¹. Рецензія принадлежитъ перу кавказовѣда Дигга, хорошо извѣстнаго своими работами по изученію кавказскихъ языковъ и особенно собиранію матеріаловъ по кавказскимъ горскимъ языкамъ при матеріальной поддержкѣ Кавказскаго Учебнаго Округа. Онъ жилъ и служилъ на Кавказѣ. Его труды по совокупности были награждены крупною преміею нашей Академіи Наукъ. Передъ войной онъ поѣхалъ въ Германію и остался въ ней. Диггъ пишетъ про автора нѣмецкой брошюры о грузинскомъ народѣ, Борка:

«Боркъ полагаетъ, что Грузія могла бы образовать нейтральную зону между Россіею и Турціею въ видѣ государства-буфера, объединившись съ мусульманскимъ Кавказомъ, что имѣетъ еще какъ бы обосноваться. Какъ ни стара идея автономіи Кавказа, приходится очень жалѣть, что авторъ (г. Боркъ) не изложилъ свою мысль болѣе подробно. Во всякомъ случаѣ этотъ буферъ-государство долженъ былъ бы охватить все нынѣшнее Закавказье плюсъ главный Кавказскій хребетъ съ его сѣверными склонами, иначе государство это было бы подвержено тяжкимъ испытаніямъ. Кромѣ того, въ этомъ государствѣ возникали бы, это можно утверждать съ увѣренностью, опаснѣйшія тренія національнаго характера. Чтобы не создавать новой Македоніи, которая сдѣлалась бы очагомъ безконечныхъ распрей и питала бы въ себѣ возможности новыхъ европейскихъ осложненій, слѣдовало бы вступить на иные пути, чѣмъ простое отторженіе края отъ Россіи и предоставленіе ему самостоятельности. Культурныя задачи, которыя Кавказъ имѣетъ передъ собою, настолько обширны, что автономный Кавказъ безъ чужой помощи едва ли можетъ ихъ разрѣшить»².

¹ F. Bork, *Das Georgische Volk* (Länder und Völker der Türkei, Schriften d. D. Vorderasienskomitets, herausgegeben von Hugo Grothe), 80, 28 стр., Лейпцигъ 1905.

² Въ подлинныхъ нѣмецкихъ выраженіяхъ приведенный отрывокъ изъ сужденія А. Дигга гласитъ: Боркъ «meint, dass Georgien zusammen mit einem etwa zu begründenden mohammedanischen Kaukasien als Pufferstaat eine neutrale Grenzzone zwischen Russland und Türkei bilden könnte. So alt die Idee der Autonomie des Kaukasus ist, so sehr ist zu bedauern, dass der Verfasser den Gedanken nicht näher ausgeführt hat. Der Pufferstaat müsste das ganze jetzige Transkaukasien plus das Hauptgebirge mit seinen nördlichen Abhängen umfassen, sonst wäre er aufs äusserste gefährdet. Ausserdem entstünden in diesem Staat sicher die gefährlichsten Reibereien nationaler Art. Um kein neues Macedonien zu schaffen, das wieder ein Herd zahlloser Ränkespiele werden und die Möglichkeit neuer europäischer Verwicklungen geben würde, müssten wohl ganz andere Wege eingeschlagen werden, als die blosse Loslösung von Russland und Selbständigmachung. Die Kulturaufgaben, die der Kaukasus vor sich hat, sind so umfassend, dass ein autonomes Kaukasien ohne fremde Hilfe sie kaum lösen kann».

Нужно ли подсказывать, чью чужую помощь предполагает Адольф Диррь необходимой для компетентнаго рѣшенія «обширныхъ культурныхъ задачъ Кавказа».

Нѣмцы, къ типу университетовъ которыхъ, между прочимъ, приспособленъ по составу факультетовъ Обществомъ Грузинскаго Университета предполагаемый къ учрежденію Грузинскій Университетъ, едва ли перестанутъ вести начатую ими линію дѣйствія, доведенную еще до войны со стороны Турціи и со стороны Россіи до центра Кавказа. Линія эта состоитъ не въ однихъ научныхъ экспедиціяхъ, а и въ научномъ использованіи и мертваго матеріала и живыхъ силъ Кавказа въ основательномъ дѣломъ расчетѣ, совершенно безошибочномъ Geschäft'ѣ, что это создастъ волну обратнаго культурнаго воздѣйствія на эту уже сейчасъ вступающую на путь культурнаго отхода отъ общенія съ нами нашу, казалось бы, родную русскимъ и по духу страну. Не менѣе чревато послѣдствіями, независимо отъ ученыхъ экспедицій, воздѣйствіе на армянъ западно-европейскихъ и американскихъ школы, и до войны умѣвшихъ дѣлать свое дѣло въ Вагъ въ условіяхъ даже турецкаго режима. И до войны въ интеллигенціи армянскаго народа, распадающагося на двѣ половины — восточную и западную, имѣлось культурное раздвоеніе, ориентація по Западной Европѣ и ориентація по Россіи. Во что выльется объединенная національная мысль русскихъ и турецкихъ армянъ послѣ войны, я не хочу сейчасъ гадать, но ясно одно, что при начатомъ задолго до войны изъ самаго центра турецкой Арменіи, Вана, культурномъ напорѣ западныхъ европейцевъ и американцевъ, который она сильно усилила за войну, а послѣ войны еще болѣе усилитъ, и при полномъ изумительномъ ничегонеделаніи съ нашей стороны, при оставленіи нами уготованнаго мѣста для университета вакантнымъ даже у себя въ Тифлисѣ, удивленіе будетъ неумѣстнымъ, если вскорѣ послѣ войны объединенная національная мысль армянъ культурно ориентируется не по Россіи.

Между тѣмъ глубокіе духовные интересы самихъ народовъ Кавказа требуютъ именно сохраненія культурной ориентаціи ихъ по Россіи и дальнѣйшаго ея развитія въ общее или взаимное сотрудничество.

Наконецъ, but not least надо вспомнить хоть теперь объ интересахъ русской науки, какъ общечеловѣческой, объ ея нуждахъ, въ частности о возрастающей ея потребности въ матеріалахъ и по многимъ причинамъ, именно въ тѣхъ матеріалахъ, которыми полонъ Кавказъ.

Возражать противъ большого, несомнѣнно, болѣе сложнаго, чѣмъ въ Иркутскѣ или Ташкентѣ, культурнаго предпріятія — университета въ Тифлисѣ — ссылокъ на условія нашего времени не приходится. Именно въ такія эпохи, какъ наша, можно закладывать основанія столь новыхъ и крупныхъ предпріятій или никогда. Напомню 1795 годъ, когда во Франціи была основана знаменитая впоследствии Школа Живыхъ Восточныхъ языковъ. То было сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ и то было въ странѣ съ однороднымъ населеніемъ. Въ Россійскомъ государствѣ иной масштабъ и иные условія. Населеніе его лишено общей племенной спайки, и нуждается въ развитіи культурныхъ учрежденій, содѣйствующихъ ей. Это неотложная не только госу-

дарственная, но общенациональная, потребность, потребность всего реально-культурного, всего действительно прогрессивного населения России, и в удовлетворении этой потребности — общечеловеческая задача.

И когда дело касается Кавказа, я считаю совершенно излишним теоретически обосновывать положение, что в целях взаимного сближения нет лучшего или иного орудия, как совершенно свободная от утилитарных заданий культурная предпринимательская, как чуждая националистических целей отвечающая прежде всего своему просветительному назначению школа, и самое могучее в этом отношении орудие — университет, удовлетворяющий духовным запросам края. Мне достаточно сослаться на факты — на руководящую роль Лазаревского Института Восточных языков в эпоху его расцвета в культурном сближении армян с русскими, а в дальнейшем, когда русские университеты не отвечали еще потребностям армян, возрастающее значение Дерптского, тогда немецкого университета, умевшего приспособиться в лице своих деятелей, даже в лице геолога Абиха к культурным стремлениям армянского народа. Могу также констатировать, что появление одной книги под редакцией русского поэта Брюсова «Поэзия армян», приращением пути взаимного понимания, больше поспособствовало упрочению русской культурной ориентации армян на всем пространстве их расселения, чем все обрусительные меры старого режима, вместе взятые, в пределах расселения одних русских армян.

На желательном для Кавказа типе университета я не буду останавливаться, если вопрос этот решается в плоскости исканий новых и лучших типов. Лишь рго до тоа мне да будет позволено устранить недоразумение в отношении мотивов, заставляющих меня относиться скептически к политехникуму, расширенному университетскими факультетами.

Будучи филологом-востоковедом, я, если не ошибаюсь, по своей деятельности имею право и как лингвист, и как археолог причислить себя к филологам-реалистам. Филолог-реалист иначе и не представляет себя развития своей теоретической науки, как в союзе с техникой. Как можно без технического знания оборудовать кабинет экспериментальной фонетики и приспособить к исследовательским нуждам профессора-лингвиста, преподающего, допустим, общий курс сравнительной фонетики яфетических языков и занимающегося специально, из многочисленных относящихся сюда горских языков Кавказа, хотя бы одним аварским или абхазским с их по сей день экспериментально неанализированными фонемами? По археологии же едва ли какую-либо серьезную работу можно ныне вести без помощи техники. И вопрос не только об использовании готовых технических приемов или инструментов, но и о постановке в ней новых технических вопросов по заданиям нашей теоретической науки. Вообще востоковеды, а русские востоковеды в особенности не придерживаются отнюдь отрешенности науки от жизни, не могут придерживаться такой отрешенности именно востоковедения, по природе в России неизбежно прикладного к жизни и не по ученым винь систематически разлучаемого с нею; чтобы снять с нас подозрение в этом, доста-

точно, думается, сослаться на мѣсто изъ одной печатной записки за подписями девяти петроградскихъ оріенталистовъ, гдѣ читаемъ: « . . . разстояніе между наукой и жизнью съ развитіемъ культуры не увеличивается, а сокращается. Ученые лингвисты въ настоящее время признаютъ, что вполне понять строй языка можетъ только тотъ, кто самъ имъ владѣть, ученые историки и археологи знаютъ, что для пониманія прошлаго страны необходимо знакомство съ ея современной жизнью» и т. д.¹ Никакихъ предразсудковъ ни противъ техническихъ наукъ, ни наукъ прикладнаго значенія, ни противъ сближенія съ жизнью у востоковѣдовъ нѣтъ. Я могу только привѣтствовать сочетаніе двухъ высшихъ школъ въ одинъ сложнаго типа университетъ.

Есть лишь одно сомнѣніе: сомнѣніе въ такой организаціи новаго сложнаго университета, которая обезпечивала бы одновременно и въ равной степени интересы и ученаго-теоретика и ученаго-практика, интересы спеціалиста по гуманитарнымъ наукамъ и спеціалиста-естественника, когда съ обѣихъ сторонъ будутъ эти интересы весьма сложны и расходны.

Примѣры заморскихъ странъ, конечно, показательны теоретически, но, признаюсь, для меня не вполне убѣдительны, когда рѣчь идетъ объ условіяхъ нашей жизни, особенно на Кавказѣ, гдѣ не сразу удастся заручиться первоклассными учеными съ широкими научными горизонтами.

Второе замѣчаніе привходящее.

Дѣло въ томъ, что Кавказъ давно домогался университета, но при старомъ режимѣ ему отказывали. Тогда высшая власть въ краѣ предложила просить политехникумъ.

Одна группа представителей мѣстнаго общества приняла такое предложеніе, но общаго согласія кавказцевъ не получалось. Въ обществѣ по обыкновенію пустили слухъ или сплетню, что политехникумъ — затѣя армянъ. И тогда грузины были въ общемъ за университетъ, армяне за политехникумъ.

Нынѣ же въ Тифлисѣ появится первымъ Грузинскій Университетъ; правда, онъ частный, но по существу въ смыслѣ общественнаго впечатлѣнія это дѣла не измѣнитъ. Впечатлѣніе же получится такое, точно и при новомъ режимѣ не дають или не торопятся дать Кавказу университетъ и лишь для вида готовы приспособить политехникумъ, придать ему, уже основанному, университетскіе факультеты, тогда какъ настоящій университетъ, да еще на нѣмецкій ладъ, лишь грузинскій. Такіе разговоры, конечно, такъ же легко исчезнуть, какъ могутъ появиться, если давно жданный государственный университетъ, учрежденный въ видѣ хотя бы новаго сложнаго типа, дѣйствительно будетъ организованъ и осуществленъ согласно предъявляемымъ къ нему разностороннимъ и высокимъ научно-учебнымъ требованіямъ.

Тогда можно бы воскликнуть безъ тяжести на сердцѣ fiat justitia, но не pereat mundus, a salvus sit mundus, ибо такой университетъ обезпечилъ бы сохранность культурныхъ стяжаній Кавказа за время русскаго правленія, за сто съ лишнимъ лѣтъ, и дальнѣйшій ихъ ростъ, такой университетъ явился бы могучимъ орудіемъ для ду-

¹ О проектѣ «Практической Восточной Академіи» (Записка группы востоковѣдовъ), стр. 14.

ховнаго упроченія общественной солидарности какъ проживающихъ на Кавказѣ народовъ, такъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, и въ немъ мы получили бы новый рычагъ для развитія міровой науки въ путяхъ культурнаго воспріятія новыхъ свободъ на пользу всѣмъ живущимъ въ краѣ народамъ.

Это я говорю въ качествѣ рядового работника русскаго ученаго міра, несмотря на хорошо извѣстныя и мнѣ слабыя или отрицательныя стороны русской ученой жизни, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что въ русской наукѣ давно уже творятся міровыя цѣнности, она — большой факторъ въ міровой наукѣ, ея задачи и цѣли міровыя, общечеловѣческія. Это же я утверждаю, какъ родной сынъ Кавказа, со столь же глубокимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что изъ міровыхъ наукъ именно русская наука наиболее призвана и способна по народно-психологическимъ и культурно-историческимъ основаніямъ обезпечить независимое духовное развитіе народовъ Кавказа. Сомнѣваюсь, чтобы это убѣжденіе не вытекало у меня изъ того факта, что я имѣлъ возможность за всю свою научную жизнь вчитаться довольно внимательно въ подлинныя страницы живой книги кавказскихъ народовъ. Еще менѣ сомнѣваюсь въ томъ, чтобы оно реально противорѣчило здоровымъ національнымъ чувствамъ сознательнаго грузина XX-го вѣка, поскольку и во мнѣ, предполагаю, жива его природа, его народная психологія.

Объединеніе, обоснованное на крѣпко сложенной въ кулакъ державной десницѣ, кому бы ни принадлежала эта рука, большому или малому народу, должно замѣниться объединеніемъ на синтезѣ родственныхъ культуръ, и мы или должны немедленно приступить къ работѣ по этому объединенію на новыхъ началахъ закладкой университета въ Тифлисѣ, или быть готовыми къ неизбежному отходу Кавказа въ чужой станъ.

Свою все сказанное къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Грузійскій Университетъ, понятно, оформивъ его юридически, слѣдуетъ безпрепятственно разрѣшить, какъ будущій желанный сотрудникъ государственнаго Университета, проводникъ научнаго мышленія въ грузинскія народныя массы.

2. Въ интересахъ съ одной стороны міровой науки, съ другой — какъ разноплеменнаго кавказскаго населенія, такъ вообще Россійскаго государства, въ интересахъ закрѣпленія свободъ, провозглашенныхъ русской революціею, необходимо немедленно учредить Кавказскій Университетъ въ Тифлисѣ съ соблюденіемъ двухъ условій:

а) во-первыхъ, въ Кавказскомъ Университетѣ гуманитарные факультеты организовать на особыхъ началахъ, объединяющихъ въ стройную систему науки соответственныхъ факультетовъ обычнаго простаго типа съ цѣлями востоковѣдныхъ наукъ по роднымъ народамъ Кавказа культурамъ и языкамъ¹;

¹ Это положеніе развито мною въ запискѣ о Кавказскомъ Университетѣ съ изложеніемъ организаціи его историко-филологическаго факультета. Въ ней въ цѣляхъ практическаго осуществленія перехода отъ односторонняго европейскаго гуманизма къ универсальному классическій языкъ культурнаго мусульманскаго Востока получаетъ право гражданства наравнѣ съ латинскимъ, а новому персидскому языку удѣляется мѣсто въ специальныхъ отдѣленіяхъ, аналогичное съ мѣстомъ классическаго греческаго, такъ какъ этотъ новый языкъ Ирана сыгралъ громадную роль въ возрожденіи восточнаго гуманизма не только у мусульманъ, но и у обѣихъ національностей, представляющихъ на Кавказѣ народно-христіанскій Востокъ.

б) во-вторыхъ, въ виду болѣзненного состоянія національнаго настроенія наиболѣе культурныхъ народовъ Кавказа, обезпечить Кавказскій Университетъ денежными средствами изъ государственнаго казначейства безъ обращенія на первыхъ порахъ къ мѣстнымъ людямъ за матеріальной поддержкой.

3. Если бы Комиссія признала и для Тифлиса необходимымъ созданіе новаго сложнаго типа университета съ техническими факультетами, то соблюсти два слѣдующихъ условія, именно:

а) во-первыхъ, декретъ Временнаго Правительства редактировать такъ, чтобы не оставалось мѣста для сомнѣнія въ томъ, что въ учреждаемомъ сложномъ университетѣ новаго типа университетскіе факультеты являются базой, на которой строятся техническіе факультеты, что университетъ — основа всего комплекса;

б) во-вторыхъ, обезпечить самой организаціей автономность преслѣдующихъ одинаково научными путями, но различныя съ одной стороны теоретическія, съ другой техническія и прикладнаго значенія задачи факультетовъ, чтобы максимальное использованіе нашихъ количественно и матеріально сейчасъ слабыхъ силъ шло въ прокъ обѣимъ сторонамъ въ одинаковой степени.